

УДК 930.2

ББК 63.2

МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОМСКА И НОВОСИБИРСКА КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ*

С.С. Наумов

Аннотация. Проблема изучения исторической памяти сегодня становится все более актуальной в контексте обращения к просветительскому опыту российской интеллигенции. В данной статье анализируются материалы фондов личного происхождения представителей гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска в рамках изучения коллективных представлений о прошлом, сформировавшихся в 1985–1990-х гг. В качестве цели исследования заявлено выявление перспектив использования этого исторического источника для анализа проблемы влияния интеллигенции на формирование образов исторического сознания и символов памяти о прошлом. Дается характеристика особенностей текстов историков и краеведов М.Е. Бударина, И.Ф. Петрова, Ф.К. Надя, А.В. Никулькова, К.П. Зайцева, И.Ф. Цыплакова, написанных в годы перестройки и постперестроечный период. Обращение к наследию этих исследователей обусловлено преимущественно тем, что рассматриваемые материалы охватывают большинство ключевых сюжетов истории России в XX в. На основе анализа этих документов дается характеристика важнейших этапов изменения представлений сибирских историков и краеведов о прошлом, выявляются различные каналы трансляции исторической памяти в географических координатах Западной Сибири. Доказывается ценность и информативность этого исторического источника в контексте проблематики исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, интеллигенция, история Сибири, историко-культурное наследие, архивные документы личного происхождения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329.

MATERIALS OF THE PERSONAL FUNDS OF OMSK
AND NOVOSIBIRSK INTELLIGENTIA AS A SOURCE
FOR STUDYING THE MEMORY OF THE PAST

S.S. Naumov

Abstract. *The issue of historical memory studying becomes more and more relevant today in the context of the appeal to the educational experience of the Russian intelligentsia. The article analyzes the materials of Omsk and Novosibirsk humanitarian intelligentsia's personal funds within studying of collective perceptions of the past, formed in the 1985–1990s. The purpose of the study is to identify the prospects of using this historical source to analyze the influence of intelligentsia on the formation of historical consciousness and symbols of memory of the past. Characteristic of text features of historians and local historians M.E. Budarin, I.F. Petrov, F.K. Nadya, A.V. Nikulkov, K.P. Zaitsev, I.F. Tsyplakov, written in the years of perestroika and post-perestroika period, is given. The address to the heritage of these researchers is mainly caused by the fact that the materials cover the most of the key events of Russia's history in the 20th century. Based on the analysis of these documents, the characteristics of the most important stages of Western Siberia has been given. The informative value of this historical source is proved in the context of historical memory issues.*

Keywords: *historical memory, intelligentsia, history of local communities in Siberia, archival documents of personal origin.*

Начавшаяся в 1985 г. в СССР перестройка вызвала бурный всплеск гражданской активности, в первую очередь среди представителей советской интеллигенции. Провозглашенный властью курс на реформы, помимо всего прочего, «содержал призывы к критическому переосмыслению опыта, практическому воплощению концепции «нового политического мышления», переходу от узкоклассовых оценок событий и явлений к общечеловеческим морально-нравственным категориям. Такая переориентация не могла не импонировать широким слоям интеллигенции, которой традиционно присущ критический

взгляд на окружающую действительность» [1, с. 250]. Одной из причин обращения интеллигенции к вопросам исторической памяти стало желание разобраться в причинах торжества советского проекта, его «застоя» и т.д.

Говоря об интеллигенции середины 1980–1990-х гг., следует учитывать присущую ей гетерогенность. Интеллигенция середины 1980–1990-х гг. являлась далеко не однородной прослойкой общества. Правда, это вовсе не исключает настройку оптики исследования на изучение взглядов, поведенческих моделей отдельных ее представителей, позволяющее увидеть сущностные черты

социальной группы в личностном измерении. Важным источником в таком исследовании, безусловно, являются личные архивы конкретных «интеллигентов», которые, с одной стороны, позволяют более глубоко проанализировать те стороны общественной жизни, которые оказались незафиксированными в официальных документах, а с другой, «передают личностное отношение к событиям, свидетелями и участниками которых были их владельцы» [2, с. 117].

На материалах фондов личного происхождения видных представителей гуманитарной интеллигенции двух «сибирских столиц» — Омска и Новосибирска — в настоящей статье предпринята попытка показать возможности использования этого источника для изучения проблемы влияния представителей интеллигенции на формирование образов исторического сознания и символов памяти о прошлом. В центре нашего внимания оказались фонды видных деятелей науки и культуры, таких как М.Е. Бударин (ГИАОО. Ф.П-653), И.Ф. Петров¹, Ф.К. Надь (ГИАОО. Ф.Р-2915), А.В. Никульков (ГАНУ. Ф.Р-2121), К.П. Зайцев (НГА. Ф.778), И.Ф. Цыплаков (НГА. Ф. 777).

Сибирская историография отличается пристальным вниманием к процессу становления научных и культурно-просветительных центров, формированию профессиональных корпораций интеллигенции, а значит, и к проблеме трансформации и трансляции образов и символов памяти о прошлом. В рамках ис-

следовательского направления «интеллигенция и историческая память» уже немало сделано для обобщения и введения в научный оборот источников по истории интеллигенции, относящихся к периоду 1920-х-1960-х гг. В разных ракурсах эти сюжеты освещались в трудах современных ученых [3–8]. Ими уже привлекались личные архивные фонды «исследователей, чьи интересы и деятельность имели отношение к истории Сибири» [9, с. 30]. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что материалы более позднего периода, скажем, 1970-х – 1990-х гг. еще не так активно используются исследователями.

Заметим, что датируемые второй половиной 1980-х – 2000-ми гг. источники интересны, в первую очередь, «фактором эпохи», в которую они были созданы. Освобождение от идеологических догм, широкое участие представителей интеллигенции в общественно-политической жизни, политический и культурный плюрализм способствовали тому, что интеллигенция (в качественно ином ключе) могла настроить разговор об отечественной истории в другой тональности. Все это, безусловно, нашло отражение в хранящихся в персональных архивах материалах, которые иллюстрируют как личное отношение конкретного представителя интеллигенции к историческим событиям, так и процесс его рефлексии над историческим опытом страны.

¹ Личный фонд И.Ф. Петрова сдан на хранение в Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области», опись дел составлена. Но в данный момент материалы фонда еще недоступны для исследователей. Копии документов личного архивного фонда И.Ф. Петрова были предоставлены нам дочерью писателя Л.И. Петровой.

М.Е. Бударин и «драматургия истории»

Значительный интерес в рамках настоящего исследования представляет личный фонд профессора М.Е. Бударина (1920–2003), известного историка-сибироведа, журналиста и драматурга. Интерес к личному фонду этого автора обусловлен тем, что М.Е. Бударин был одним из немногих гуманистов, умело сочетавших в себе академизм и свободу литературного творчества. Таким образом, профессор М.Е. Бударин явил собой наиболее востребованный в рассматриваемый период тип интеллигента-просветителя, соединяющего в себе черты профессионального историка и публициста, который умеет вести диалог с читателем на простом и понятном широкому массам языке.

Профессор М.Е. Бударин был одним из немногих омских историков, еще в «застойные» годы допущенных к архивам областного комитета КПСС и управления КГБ, где ему удалось собрать множество уникальных материалов. С «пришедшей» перестройкой начался новый этап его научной и литературной деятельности. В 1988 г. М.Е. Бударин вместе со своим коллегой, доктором исторических наук, профессором В.М. Самосудовым обращается к теме сталинских репрессий. В газете «Вечерний Омск» выходит статья М.Е. Бударина «Председатель Сибревкома» (о революционере, председателе Сибревкома в 1919–1921 гг. И.Н. Смирнове, расстрелянном в 1936 г.) [10, л. 16]. В написанной в соавторстве с В.Е. Самосудовым статье «Память о них священна» рассказывалось о партийных работниках, ставших жертвами

«большого террора» 1937–1938 гг. В этих текстах упоминались сталинские лагеря и озвучивались факты необоснованных арестов беспартийных граждан. Однако правильность курса на построение в стране социализма сомнениям не подвергалась: «А беззакония, репрессии, при всем большом уроне от них, не смогли заслонить главную и определяющую черту нашего развития. Поколения предвоенных лет пережили страшное, но устояли» [10, л. 32].

В этот же период М.Е. Бударин обращается к «колчаковской» теме. В личном фонде историка содержатся машинописные тексты «А.В. Колчак — полярный исследователь», «Назначение А.В. Колчака главным лидером Белого движения в России в 1918–1920 гг.», «Наука и культура периода колчаковщины в Сибири» [11]. Осенью 1989 г. эти тексты в частично переработанном виде будут опубликованы в газете «Вечерний Омск» в формате цикла статей под названием «Адмиральский час», посвященного 70-летию со дня освобождения города от колчаковцев. До перестройки акцентировать внимание на теме «Колчак — морской офицер и полярный исследователь» советским историкам, неформально, но не рекомендовалось. Давать же «Колчаку — Верховному правителю» положительные, но даже нейтральные характеристики было недопустимо. М.Е. Бударин был одним из первых региональных авторов, кто решил отказаться от этого подхода: «...Советским людям оставалась неизвестной действительная биография этого главнейшего деятеля белого лагеря России периода гражданской войны» [10, л. 28].

Тем не менее, общая оценка М.Е. Будариным личности А.В. Колчака и его правления вполне соответствует канону, принятому в советской историографии: «Колчак был убежденным и ярким, непримиримым врагом Советской России. Он боролся с ней неотступно и до своего смертного конца... В Иркутске... закончил свой путь адмирал Колчак, расстрелянный по решению ревкома. Разгромив Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля, Страна Советов начала движение в свою великую и трагическую историю» [10, л. 28].

Личный фонд М.Е. Бударина содержит и другие материалы, посвященные фигурам и событиям гражданской войны. Прежде всего, это опубликованные статьи в газете «Вечерний Омск»: «Он воплощал дух революции» (об известном скульпторе И.Д. Шадре, в 1918-1921 гг. проживавшем в Омске) [там же, л. 10], «Наша кровь, наша смерть отзовется на поколениях живых...» (об омских большевиках подпольщиках, подготовивших антиколчаковское восстание 22 декабря 1918 г.) [там же, л. 17], «Дочь Сибири» (о М.Л. Бочкаревой, прибывавшей в Омске в 1919 г.) [там же, л. 31]. Анализ текстов 1990-х гг., позволяет предположить, что к этому времени М.Е. Бударин решает занять более примирительную позицию. В частности, дискутируя с историком В.А. Шулдяковым и писателем М.С. Шангиным, он отмечал, что «извлекая уроки из сурового прошлого, надо отрешиться от предвзятости, от злобной мстительности. И помнить: и у белых, и у красных была одна родина — Россия. И одна земля их приняла. Нужно не мелкое, но панорамное мышление с ориентирами на се-

годняшний день. Нужна историко-критическая ретроспекция без пристрастных и ложных толкований. В национальной трагедии жестокость была с обеих сторон!» [там же, л. 39].

В личном фонде М.Е. Бударина хранятся материалы, посвященные личностям и событиям российской истории. Большинство из них были опубликованы в 1990-е гг. Это интервью с внуком Ф.М. Достоевского А.Ф. Достоевским [там же, л. 41], рецензии на трехтомник «Очерки истории города Омска» [там же, л. 42], омскую «Книгу памяти» [там же, л. 48], статья, рассказывающая об эвакуации в Сибирь в годы Великой Отечественной войны саркофага с телом В.И. Ленина [там же, л. 51], статья, посвященная истории города Тары [там же, л. 55]. В конце 1990-х гг. М.Е. Бударин поддерживает на страницах газет инициативу заслуженного учителя России Л.Д. Бондаренко по введению в омских школах факультативного учебного курса — «омсковедение» [там же, л. 53].

Архивный фонд М.Е. Бударина содержит вырезки газетных статей других авторов. Особенно выделяется раздел «Статьи в газетах, журнал о семье последнего российского императора Николая II». Собрать публикации о судьбе царской семьи М.Е. Бударин стал в 1988 г. Личный фонд историка содержит статьи центральных и сибирских изданий, посвященных правлению Николая II. Последние из них датируются началом 2000-х гг. [12].

Образы исторического прошлого в трудах И.Ф. Петрова

В годы перестройки «белыми пятнами» истории гражданской войны в Сибири заинтересовался и дру-

гой известный писатель, признанный патриарх сибирского краеведения И.Ф. Петров (1920–2012). Профессиональный литератор, тонко чувствующий слово, интонацию, И.Ф. Петров выступал в качестве просветителя, целью которого было привлечение внимания читателя к истории родного края.

В конце 1980-х гг. И.Ф. Петров первым среди омских краеведов решает восстановить полную, идеологизированную биографию адмирала А.В. Колчака. В очерках, опубликованных на страницах газет «Омская правда», «Вечерний Омск», И.Ф. Петров стремился уйти от «канонического» односторонне-негативного жизнеописания Колчака, подвергнув более детальному анализу личности исторического деятеля. В частности, об этом свидетельствует переписка писателя с картографами из Ленинграда супругами — К.А. Богдановым и Н.В. Богдановой, которые находились в Омске в эвакуации в годы Великой Отечественной войны. В годы перестройки К.А. Богданов, увлекшись биографией А.В. Колчака, начал подготовку рукописи «Адмирал Колчак». Сохранившаяся в личном архиве И.Ф. Петрова переписка с Богдановыми представляется интересной с точки зрения анализа изменений восприятия исторических фигур представителями интеллигенции в 1990-е гг. Так, например, в письме от 22 апреля 1991 г. К.А. Богданов пишет: «...Ему (Колчаку. — С.Н.) вменяются преступления, которые Верховный правитель не совершал... Немало репрессий в отношении мирных сибиряков, особенно в зоне транссиба, совершали военные интервенты и чешские legionеры. Все эти в сово-

купности кровавые злодеяния атаманщины, карателей и иностранной военщины необоснованно заносились на «лицевой счет» Колчака... Историкам еще предстоит обстоятельно проанализировать внутреннюю обстановку в Сибири в 1918–1919 гг., действовавшие в ней политические и вооруженные силы и объективно установить роль и место в ней Верховного правителя».

С начала 1990-х гг. И.Ф. Петров принимает участие в «оформлении» нового символического пространства памяти, возникающего на обломках уходящей эпохи. В своих статьях он подчеркивает необходимость свежего взгляда на проблемы исторической памяти, с учетом запроса на новые формы подачи информации о прошлом. Делает писатель это доступными для себя способами — через публикации в многочисленных газетах и журналах Сибири.

Собственно, стараниями И.Ф. Петрова в омской печати появляются статьи, в которых раскрываются новые подробности биографии А.В. Колчака, в частности, эпизоды его личной жизни. В письме от 25 декабря 1991 г. К.А. Богданов пишет И.Ф. Петрову: «Нина Васильевна и я с удовольствием прочитали „Историю одной любви“. Мне очень понравился диалог между Колчаком и Тимиревой, возникший в декабре 1918 г., — такой естественный и правдоподобный».

Это же письмо содержит сведения, позволяющие нам предположить, что местная интеллигенция не была едина в вопросах стратегии и тактики исторического просвещения. У историков, писателей и публицистов отсутствовало согласие по многим вопросам и по «колчаковскому» в

том числе. К.А. Богданов, обращаясь в письме к И.Ф. Петрову, негодует: «Понимаю, что Вам трудно сохранить равнодушие в обстановке, где кипят политические страсти, где “патриоты” типа Бударина и Колесникова (А.Д. Колесников — доктор исторических наук, профессор. — *С.Н.*) хотят вернуть все на круги своя... Тем не менее, должен сказать, что Вы мастерски разгромили этих двух “почтенных” жрецов науки, которые в своей озлобленности к Колчаку совершенно потеряли способность мыслить логически».

В конце 1980-х — 1990-е гг. И.Ф. Петров проявлял интерес не только к фигуре А.В. Колчака. Также писатель обращался к изучению биографий основателей города Омска, омскому периоду жизни Ф.М. Достоевского, материалам, связанным с расстрелом последнего российского императора Николая II и его семьи, неизвестным страницам биографий сибирских литераторов XIX–XX вв. и др.

Публикационная активность И.Ф. Петрова в 1990-е гг. поражает (более 170 публикаций): его исторические статьи с завидной регулярностью появляются на страницах местных периодических изданий. Среди них «Омская правда», «Вечерний Омск», «Коммерческие вести», «Вестник культуры», «Крестьянское слово», «Омский вестник», «Красный путь»; журналы «Земля Сибирская, Дальневосточная», «Сибирские огни», «Автограф», альманах «Складчина» — далеко не полный перечень изданий, в которых были опубликованы исторические очерки И.Ф. Петрова в 1991–2000 гг.

Ф.К. Надь. Вспоминая блокаду Ленинграда...

В интенсивности просветительской деятельности не уступал И.Ф. Петрову и другой известный омский общественный деятель рубежа 1980-х — начала 1990-х гг., краевед Ф.К. Надь (1929–1995). С точки зрения атрибутивного подхода к понятию «интеллигенция» Ф.К. Надя сложно причислить к сообществу гуманитариев (он окончил школу милиции, долгие годы работал в органах внутренних дел, а краеведением увлекся в возрасте 53-х лет, выйдя на пенсию). Однако вклад Ф.К. Нады в формирование новых образов исторической памяти не позволяет пройти мимо этой личности. Фонд Ф.К. Нады в омском историческом архиве весьма объемный. Мы зафиксируем внимание на его отдельных крупных работах.

Фундаментальным краеведческим трудом Ф.К. Нады стала созданная им карта ГУЛАГа. Над рукописью «ГУЛАГ СССР. 1930–1950 гг.» и пояснительной запиской к ней краевед работал несколько лет и передал бумаги в областной архив незадолго до смерти. Ф.К. Надь нанес на карту СССР все известные ему тюрьмы и лагеря сталинской эпохи. Помимо перечисления и указания месторасположения лагерей в рукописи были даны краткие описания по каждому отдельному подразделению ГУЛАГа. При работе над составлением карты «ГУЛАГ СССР. 1930–1950 гг.» Ф.К. Надем использовались различные публикации в СМИ, личные воспоминания узников ГУЛАГа, членов их семей и других лиц, подвергшихся репрессиям политического характера [13].

Важнейшей неопубликованной работой Ф.К. Надя стала рукопись «О блокаде Ленинграда и еще кое о чем» [14]. Ф.К. Надя родился в Ленинграде, где его семья прожила до лета 1942 г. Обращение краеведа к блокадной теме обусловлено, в том числе, личными переживаниями. Месяцы зимы 1941–1942 гг. запомнились ему навсегда: «Наша семья прожила в осажденном городе самое трудное время — до августа 42-го года. За два зимних месяца — декабрь и январь — умерли от голода две моих тетки, дядя и двоюродный брат. Спасти их, хоть и жили все вместе, мы были бессильны. Не могли даже похоронить. Всю зиму их тела лежали в нашей промерзшей насквозь квартире, и только весной, в марте, они были преданы земле вместе с другими погибшими тогда ленинградцами. Мне было тогда тринадцать лет, и я получал иждивенческий паек — 125 граммов блокадного хлеба... Я не знаю, как рассказать о голоде. Ужас его вообще невозможно понять, когда рядом холодильник, шкаф, тем или иным, но все равно заполненные. Если сгоняешь лишний вес, то кажется, что не так уж трудно обойтись и вовсе без хлеба. Но когда этот кусочек — единственный для тебя источник жизни, то именно на нем сосредотачиваются все твои мысли и чувства. Я убежден, что полной правды о Ленинградской блокаде не написал еще никто. Быть может, это и вообще невозможная задача» [15].

В «ленинградской» рукописи Ф.К. Надя содержатся бесценные свидетельства о жизни и быте осажденного города. Сам факт того, что текст не был опубликован, говорит о

неготовности общества в 1990-х гг., и это несмотря на обрушившиеся на него потоки разнообразной «шоковой» информации, к серьезному разговору на тему блокады Ленинграда.

Параллельно, в это же время Ф.К. Надя опубликовал статьи, рассказывающие об истории российского военно-морского флота, участии сибиряков в Отечественной войне 1812 года. Черновые материалы этих публикаций хранятся в личном архивном фонде краеведа [16].

На основании рассмотренных нами документов личных фондов, можно сделать вывод, что в большей степени сибирских историков и публицистов в конце 1980-х — 1990-е гг. интересовали проблемы осмысления опыта революционных событий 1917 г. и гражданской войны в России. Все остальные, в том числе абсолютно «табуированные» до 1985 г. темы, начиная от анализа «перегибов» во время коллективизации и заканчивая описанием личной жизни советских вождей, стали производными от темы переосмысления исторического и социокультурного значения «Великого Октября». Рефлексия интеллигенции по поводу событий 1917 г. находит отражение в архивах сибирских авторов. В Новосибирске к проблеме переосмысления событий революции и гражданской войны обращается известный писатель и публицист, главный редактор журнала «Сибирские огни» А.В. Никульков (1922–2001).

Осмысление революционной эпохи в творчестве А.В. Никулькова

В 1989 г. А.В. Никульков заканчивает работу над очерком «Взгляд на РСДРП», к слову, рукопись кото-

рого будет опубликована только в 1998 г. Этот текст, учитывая тот факт, что А.В. Никульков в 1952 г. закончил истфак Новосибирского педагогического института, можно характеризовать как научно-популярный труд на историческую тему. Автор предпринимает попытки проанализировать проблемы постепенного вырождения революционных идеалов, выявить объективные причины возникновения кризиса модели социалистического строя в нашей стране. В частности, и таким образом объясняя произошедшее: «Объективные исторические тенденции обойти или сломать нельзя, их можно только исказить. Октябрь исказил традиционное течение российской истории, но не отменил его. При вековой форме империи Россия и так стояла во главе. Но интернациональные идеи требовали ее уравнивания с другими национальными образованиями. От этого смещения несовместимых тенденций получился новый „ублюдок“, говоря крепкими словами Ленина. Россия в послеоктябрьские годы лишилась собственной государственности, растворившись в общесоюзных структурах. А имперские функции никуда не делись, они лишь перешли ко всесоюзному ЦК ВКП(б), ЦК КПСС» [17, л. 25].

А.В. Никульков, пытаясь беспристрастно оценить деятельность партий-противников РСДРП, роль которых, заметим, традиционно в советской историографии упрощалась, отмечает: «Несчастливая кадетская партия, от которой открещивались и большевики и черносотенцы! Ею не занималась советская историческая наука, ограничиваясь самыми ругательными характеристиками, а имен-

но кадеты более всего способны были бы создать буржуазное демократическое правительство по примеру Франции или Англии. И не их вина, и даже не вина социал-демократов, что они потерпели крах еще до Октября 1917 года. Россия могла выйти на новую свою историю только через крайности, только через диктатуру той или иной самой крайней стороны. История не приуготовила ей кадетской золотой середины» [17, л. 44].

Интересен применяемый А.В. Никульковым ретроспективный подход, проявляющийся в том числе и в обращении к сюжетам бытовой жизни русского общества в конце XIX – начале XX века. Например, размышляя над сущностью столыпинской реформы и ее последствиями, автор утверждает, что П.А. Столыпин преследовал цель капитализировать крестьянское хозяйство, подняв его до капиталистическими формами промышленности. В частности, по мнению А.В. Никулькова, «Столыпин хотел разрушить древние формы крестьянского землепользования, но уберечь от резкой ломки такие формы помещичьего. А крестьяне хотели сохранить общинное, а не частное владение землей и разрушить помещичьи формы землевладения. Парадокс российской истории, когда единая цель ломки расщепляется на непримиримые пути ее достижения» [17, л. 14].

Отличительной чертой текстов перестроечных и постперестроечных лет является их ярко выраженная злободневность. Наблюдается стремление авторов при создании исторических текстов провести параллели со своей эпохой. Так, А.В. Никульков отмечал «сходство ситуации в эпоху

стольпинской реформы и в наши дни перестройки. Неожиданным оказалось сопротивление большей части колхозников фермерскому движению, нежелание расставаться с колхозной формой, которая бесспорно, есть модификация традиционной национальной общины» [17, л. 14].

Из всего массива документов личного фонда А.В. Никулькова, связанных с проблемами трансляции исторической памяти, особый интерес представляют рукописные и машинописные тексты, посвященные истории Сибири, и города Новосибирска в частности. Так, в этом фонде содержатся тексты, вошедшие в 1989 г. в книгу о судьбе Н.Г. Гарина-Михайловского — основателя Новониколаевска (будущего Новосибирска) «Современник из прошлого века» [18]. А.В. Никульков высказывает, явно навеянные «ветрами перестройки», рассуждения о том, какое значение имеет «качество» исторического знания для складывания ядра коллективной памяти. В частности, автор обращал внимание на то, что «нашей фальсифицированной истории пора вернуть ее прежнее значение, прежнее величие как науки, избавить ее от того нивелирования, когда она смешалась с краеведением. История и краеведение — это все-таки разные уровни развития науки. История основывается на самостоятельной концепции, на философии развития общества. Краеведение изучает и систематизирует региональные факты на основе господствующей исторической концепции, не внося своего в теорию науки» [19, л. 61].

В 1988–1989 гг. А.В. Никульков работал над очерком «Стремительный город», ставшим предисловием к

книге «Современник из прошлого века». В личном фонде писателя находится черновой вариант этого очерка. В «Стремительном городе» А.В. Никульков рассматривает основные вехи истории Новосибирска: от проекта Н.Г. Гарина-Михайловского до начала 1990-х гг. А.В. Никульков настаивает на том, что именно Н.Г. Гарина-Михайловского следует считать основателем Новониколаевска: «Гарин-Михайловский... исходил из государственной мысли, что транзитную магистраль нет нужды удлинять на двести верст из-за местных интересов, что линия через Кривошеково дает казне экономию в три миллиона рублей. Н.Г. Гарин-Михайловский спас еще нерожденный Новосибирск, отстоял его право на рождение» [19, л. 2-3].

На страницах местных газет «Вечерний Новосибирск» и «Молодость Сибири» А.В. Никульков вступает в полемику с историком В.Т. Гузеевой и краеведом К.П. Зайцевым на тему: «Кого все-таки считать основателем Новосибирска?». Дискуссии по вопросам, касающимся истории страны во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг., стали отличительной чертой тогдашней печати. Зачастую споры вокруг локальных сюжетов переходили в глобальные рассуждения о трагическом историческом опыте России в XX в. Так, оспаривая озвученный К.П. Зайцевым тезис о том, что в Новосибирске был искусственно создан «культ личности» Н.Г. Гарина-Михайловского, Никульков начинает размышлять об актуальной в годы перестройки практике преодоления обществом последствий сталинизма: «Психология культа личности засела в нас гораздо глубже, чем мы

сами подозреваем. «Незаменимых людей нет», — провозгласил Сталин, подразумевая, конечно, что к нему, единственному на земле, это не относится. Такая, с позволения сказать, теоретическая предпосылка использовалась на практике для того, чтобы рубить любые головы, которые по своим талантам и знаниям сильно возвышались над многими, грозили незаменимости самого Сталина. Не стало Вавилова, Тухачевского, Бухарина, Мейерхольда, Вознесенского, — и, вроде бы, ничего не изменилось, страна не погибла. И мы поверили в то, что незаменимых людей нет, что все взаимозаменяемы... И этот нигилизм десятилетиями вкоренялся в нас, переходя из поколения в поколение» [19, л. 61].

Важным в рамках нашего исследования представляется раздел личного фонда «Документы, связанные со служебной и общественной деятельностью А.В. Никулькова». Он представлен, в том числе, такими материалами, как «Предложения постоянной комиссии по культуре исполкома горсовета народных депутатов». В документах содержатся обращения к городским властям по поводу установки в городе новых памятников, проекты по наименованию и переименованию улиц Новосибирска [20, л. 215-250].

К.П. Зайцев. В поисках «новых образов»

Особую ценность представляет коллекция фонда кандидата архитектуры, краеведа К.П. Зайцева (1919–2009), который в течение ряда лет являлся оппонентом А.В. Никулькова. Фонд состоит из преимущественно неопубликованных ма-

шинописных текстов, созданных в 1985–2000 гг. и посвященных по большей части развенчанию (и ответу А.В. Никулькову по замыслу автора) мифа о личности основателя Новосибирска. Критике деятельности А.В. Никулькова по созданию образа «Н.Г. Гарин-Михайловский — основатель Новосибирска» посвящены тексты К.П. Зайцева: «О точках зрения писателя А. Никулькова», «Легенда — хороша, а правда лучше» [21, л. 1-6, 14-17], «Как литератор Анатолий Никульков переписал Николая Михайловского (Гарина) (любительский памфлет)», «Миф продолжается, или как А. Никульков переписал Гарина-Михайловского заново» [22].

В последней статье К.П. Зайцев пишет: «Точка под названием „Кривошековский выселок“ была известна давно, а название „село Новониколаевское“ появилось еще в 1890 году (официальным годом основания Новосибирска считается 1893-й. — *С.Н.*) на государственном документе, называемом топкартой местности будущей линии» [22, л. 16]. В марте-апреле 1990 г. газета «Западносибирский железнодорожник» публикует критическую статью К.П. Зайцева «Легенда от «отце города», черновой вариант которой также находится в личном фонда краеведа [23].

В начале 1990-х гг. К.П. Зайцев часто обращается к отдельным краеведческим сюжетам. Результатом исторических исследований К.П. Зайцева в 1990–1999 гг. явились статьи об истории населенных пунктов Новосибирской области, истории Транссибирской магистрали [24, л. 7-9], был собран обширный материал по острогам Западной Сибири, культу-

вым сооружениям Новосибирска: Александровский собор [25], Часовня Святого Николая [26, л. 1-3] др. К.П. Зайцев сам зарисовывал и фотографировал образцы деревянной резьбы, создал большую коллекцию визуальных источников.

Интерес представляет и переписка К.П. Зайцева с местными органами власти, общественными организациями и частными лицами по вопросам сохранения историко-культурного наследия Новосибирска, а также с редакциями периодических изданий по вопросам публикации статей [27].

Главный герой — Новосибирск (по материалам личного фонда И.Ф. Цыплакова)

Богат и информативен личный фонд кандидата исторических наук, краеведа и общественного деятеля И.Ф. Цыплакова (1924-2009). Им было оставлено большое историко-краеведческое наследие. И.Ф. Цыплаков родился в крестьянской семье. В 1942–1950 гг. проходил службу в рядах Советской армии в частях ВВС в качестве авиамеханика, с 1946 по 1950 гг. — бортмехаником в войсковой части, обслуживающей Сахалин и Чукотку. С 1951 г. работал в советских партийных и хозяйственных структурах. В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию по историческим наукам, преподавал в Новосибирской Высшей партшколе. В 1982–1998 гг. И.Ф. Цыплаков занимал должность председателя Новосибирского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).

Личный фонд И.Ф. Цыплакова весьма обширен. Интересы исследо-

вателя в период второй половины 1980-х – 1990-х гг. во многом определялись его положением руководителя Новосибирского отделения ВООПИиК. Значительное место в архивном наследии И.Ф. Цыплакова занимают тексты по родооведению, истории Сибири и города Новосибирска. Из общего массива материалов следует выделить тексты: доклад о ратном подвиге новосибирцев в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (к 40-летию Победы) [28]; доклад о г. Новосибирске (1988 г.) [29]; статьи и заметки «О первостроителях и выдающихся людях г. Новониколаевска (Г.И. Будагове, Н.А. Белелюбском, Н.Г. Гарине-Михайловском, В.И. Жернакове, Н.П. Литвинове, Н.М. Тихомирове)» [30]; рукопись «Рождение города» (об уточнении даты основания Новосибирска) [31], статьи о руководителях органов исполнительной власти Сибири (Сибревкома, Сибкрайисполкома и др.) в 1920–1930-е гг. [32]

Некоторые тексты, написанные И.Ф. Цыплаковым в рассматриваемый период, носят полемический характер. Так, историк-краевед принял участие в спорах по вопросу о дате основания Новосибирска. В очерке «Рождение города» он пишет: «...Думается правомерно, что авторы книги „Новосибирск в историческом прошлом“, во главе с известным историком Сибири Л.М. Горюшкиным предложили считать датой возникновения города день приезда на место будущего населенного пункта первых строителей — 30 апреля (13 мая) 1893 года. С этого времени фактически начались подготовительные работы к сооружению моста, когда шел массовый приток населения на стройку» [31, л. 9]².

В этот же период И.Ф. Цыплаков обращается к фигурам дореволюционной российской истории. В его архивном фонде можно обнаружить, например, такие материалы как «Заметка о женщинах-участницах войны 1812 г. Н.А. Дуровой, Р.М. Ивановой — участницы I мировой войны, награжденных Георгиевским крестом» (1989 г.) [33], «Статьи о сибирских губернаторах М.П. Гагарине, Ф.И. Саймонове, М.М. Сперанском, А.М. Черкасском» (1996) [34].

Весьма информативен и такой раздел личного фонда как «Переписка И.Ф. Цыплакова с различными организациями и гражданами по вопросам профессиональной и общественной деятельности» [35].

Подводя итог, скажем, что материалы личных архивных фондов являются важным источником при анализе деятельности представителей гуманитарной интеллигенции по формированию образов и символов исторической памяти, коллективных представлений о прошлом. Документы из персональных архивов, включающие черновики статей, опубликованные и неопубликованные рукописные и машинописные заметки, переписка, позволяют проникнуть в творческую «лабораторию» исследователя, расширяют характеристику его интеллектуальной, общественной и гражданской жизни, а также дают возможность увидеть «общее» и «индивидуальное» в творческой деятельности представителей интеллигенции гуманитарного профиля.

Документы фондов личного происхождения представителей гуманитарной интеллигенции Омска и Новосибирска за 1985–1990-е гг. позволяют дать характеристику основным этапам эволюции представлений интеллигенции о прошлом в переломное для страны и общества время. В отдельных моментах проследить эти изменения возможно только на основании неофициальных документов. Таким образом, ценность данного вида источника возрастает. С точки зрения методологии исследований по проблематике исторической памяти, материалы личных фондов информативны, поскольку позволяют нам в рамках историко-генетического и историко-ретроспективного методов реконструировать и проанализировать процесс трансформации исторического сознания на примере изменений восприятия событий прошлого среди представителей гуманитарной интеллигенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рябинкин, А.Е.* Генезис российской интеллигенции (1985–1991): от «демократической эйфории» к размежеванию [Текст] / А.Е. Рябинкин // Интеллигенция России: уроки истории и современность. Тезисы докл. межгос. науч.-теор. конф. — Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1994.
2. *Будник, Г.А.* Материалы фондов личного происхождения советской интеллигенции как исторический источник [Текст] / Г.А. Будник // Интеллигенция и мир. — 2016. — № 4. — С. 117-122.

² Имеет место вклейка страницы с текстом: «Вместе с тем, думается, будет не вполне правильно датировать зарождение города определенным числом, в частности 30 апреля 1893 года. К этому нет оснований да и, вероятно, их быть не может, поскольку шел стихийный процесс заселения места у будущего места стройки, уже начиная с извещения о принятии “Варианта на Кривошеково” в мае 1892 года. Еще до появления первого отряда мостостроителей, сюда потянулась беднота окрестных деревень, о чем говорится во многих воспоминаниях. Все эти люди начали в мае-июне 1893 года возводить первые бараки и землянки» [26, л. 8].

3. Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века: Сб. науч. трудов [Текст] — Новосибирск, 2011. — 224 с.
4. Интеллигенция Сибири в первой трети XX века: статус и корпоративные ценности [Текст] — Новосибирск: ИД «Сова», 2007. — 310 с.
5. Рыженко В.Г., Назимова, В.Ш., Алисов, Д.А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) [Текст]. — Омск: Наука, 2004. — 292 с.
6. Рыженко, В.Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект [Текст]. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. — 340 с.
7. Рыженко, В.Г. Забытое наследие региональной историографии (по материалам личных фондов сибирских историков Г.И. Жерновкова и В.И. Шемелева) [Текст] // Преподаватель XXI век. — 2016. — № 4. — Ч. 2. — С. 471-485;
8. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х — середина 1950-х гг. [Текст]. — М.: РОССПЭН, 2011. — 471 с.
9. Рыженко, В.Г. Возможности материалов личных архивов для изучения региональных аспектов проблемы «Историк и власть. Сибирь XX век» (по материалам ГАНО) [Текст] / В.Г. Рыженко // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы: Тез. докл. регион. науч. конф. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. — Ч. 3. — С. 28-34.
10. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (ГИАОО). Ф.П-653. Оп. 1. Д. 70. Л. 55.
11. ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 66. Л. 21.
12. ГИАОО. Ф.П-653. Оп. 1. Д. 171. Л. 33.
13. ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 93. Л. 132.
14. ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 15. Л. 90.
15. Лично причастен // Омская правда. — № 284. — 1989. — 10 декабря.
16. ГИАОО. Ф.Р-2915. Оп. 1. Д. 170. Л. 4.
17. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.Р-2121. Оп. 1. Д. 30. Л. 117.
18. Никульков, А.В. Н.Г. Гарин-Михайловский. Современник из прошлого века [Текст] / А.В. Никульков. — Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1989. — 184 с.
19. ГАНО. Ф.Р-2121. Оп. 1. Д. 26. Л. 76.
20. ГАНО. Ф.Р-2121. Оп. 1. Д. 67. Л. 300.
21. Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 778, Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
22. НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.
23. НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.
24. НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.
25. НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 23. Л. 68.
26. НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
27. НГА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 110. Л. 245.
28. НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 39. Л. 29.
29. НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 42. Л. 12.
30. НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 50. Л. 99.
31. НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 52. Л. 9.
32. НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 61. Л. 44.
33. НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.
34. НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 62. Л. 29.
35. НГА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 183. Л. 210.

REFERENCES

1. Budnik G.A., *Materialy fondov lichnogo proiskhozhdeniya sovetskoj intelligencii kak istoricheskij istochnik*, in: *Intelligenciya i mir*, 2016, No 4, pp. 117-122. (in Russian).
2. Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO), F.R-2121, Op. 1, D. 26, L. 76. (in Russian)
3. GANO, F.R-2121, Op. 1, D. 30, L. 117. (in Russian)
4. GANO, F.R-2121, Op. 1, D. 67, L. 300. (in Russian)
5. Byudzhethnoe uchrezhdenie Omskoj oblasti «Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti» (GIAOO), F.R-2915, Op. 1, D. 15, L. 90. (in Russian)
6. GIAOO, F.P-653, Op. 1, D. 66, L. 21. (in Russian)
7. GIAOO, F.P-653, Op. 1, D. 70, L. 55. (in Russian)
8. GIAOO, F.R-2915, Op. 1, D. 93, L. 132. (in Russian)
9. GIAOO, F.R-2915, Op. 1, D. 170, L. 4. (in Russian)

10. GIAOO, F.P-653, Op. 1, D. 171, L. 33. (in Russian)
11. *Intelligenciya vostochnyh regionov Rossii v pervoj polovine XX veka. Collection of proceedings.* Novosibirsk, 2011, L. 224. (in Russian);
12. *Intelligenciya Sibiri v pervoj treti XX veka: status i korporativnye cennosti*, Novosibirsk, ID "Sova", 2007, L. 310. (in Russian);
13. Ryzhenko V.G., Nazimova V.SH., Alisov D.A., *Prostranstvo sovetskogo goroda (1920-e – 1950-e gg.): teoreticheskie predstavleniya, regionalnye sociokul'turnye i istoriko-kul'turologicheskie harakteristiki (na materialah Zapadnoj Sibiri)*, Omsk, Nauka, 2004, 292 p. (in Russian);
14. Ryzhenko V.G., *Obrazy i simvolyy sovetskogo goroda v sovremennykh issledovatel'skikh opytah: regionalnyj aspekt*, Omsk, Izd-vo OmGU, 2010, 340 p. (in Russian);
15. Ryzhenko V.G., *Zabytoe nasledie regionalnoj istoriografii (po materialam lichnykh fondov sibirskih istorikov G.I. Zhernovkova i V.I. Shemeleva)*, in: *Prepodavatel XXI vek*, 2016, No. 4, Part. 2, pp. 471-485. (in Russian);
16. *Transformaciya obraza sovetskoy istoricheskoy nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie: vtoraya polovina 1940-h — seredina 1950-h gg.*, Moscow, ROSSPEHN, 2011, 471 p. (in Russian).
17. *Lichno prichasten*, *Omskaya Pravda*, No. 284, 1989, 10 December. (in Russian)
18. Novosibirskij gorodskoj arhiv (NGA). F. 777, Op. 1, D. 39. L. 29. (in Russian)
19. NGA, F. 777, Op. 1, D. 42, L. 12. (in Russian)
20. NGA, F. 777, Op. 1, D. 43, L. 5. (in Russian)
21. NGA, F. 777, Op. 1, D. 50, L. 99. (in Russian)
22. NGA, F. 777, Op. 1, D. 52, L. 9. (in Russian)
23. NGA, F. 777, Op. 1, D. 61, L. 44. (in Russian)
24. NGA, F. 777, Op. 1, D. 62, L. 29. (in Russian)
25. NGA, F. 777, Op. 1, D. 183, L. 210. (in Russian)
26. NGA, F. 778, Op. 1, D. 8, L. 17. (in Russian)
27. NGA, F. 778, Op. 1, D. 12, L. 18. (in Russian)
28. NGA, F. 778, Op. 1, D. 23, L. 68. (in Russian)
29. NGA, F. 778, Op. 1, D. 29, L. 4. (in Russian)
30. NGA, F. 778, Op. 1, D. 33, L. 9. (in Russian)
31. NGA, F. 778, Op. 1, D. 37, L. 7. (in Russian)
32. NGA, F. 778, Op. 1, D. 110, L. 245. (in Russian)
33. Nikulkov A.V., *N.G. Garin-Mihajlovskij. Sovremennik iz proshlogo veka*. Novosibirsk, Novosibirskoe kn. izd-vo, 1989, 184 p. (in Russian)
34. Ryabinkin A.E., *Genezis Rossijskoj intelligencii (1985–1991): ot "demokraticheskoj ehjforii" k razmezhevaniyu*, in: *Intelligenciya Rossii: uroki istorii i sovremennost'. Abstracts of the international scientific-theoretical conference*, Ivanovo: Ivanovo state University, 1994. (in Russian).
35. Ryzhenko V.G., "Vozmozhnosti materialov lichnykh arhivov dlya izucheniya regionalnykh aspektov problemy 'Istoriya i vlast'. Sibir XX vek" (po materialam GANO), in: *Universitety kak regionoobrazuyushchie nauchno-obrazovatelnye komplekсы*, Abstracts of Papers, Omsk, Izd-vo OmGU, 2004, Part 3, pp. 28-34. (in Russian)

Наумов Сергей Сергеевич, аспирант, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, naumov_s_s@mail.ru

Naumov S.S., Post-graduate Student, Modern Russian History and Historiography Department, F.M. Dostoevsky Omsk State University, naumov_s_s@mail.ru